

ПРОВЕДЕНИЕ РЕФОРМЫ КИСЕЛЕВА В БЕЛОРУССИИ

С 40-х годов XIX века процесс разложения феодально-крепостнической системы России перерастает в кризис. В сельском хозяйстве он проявился в резком падении доходности помещичьей и государственной деревни, прогрессирующем обезземеливании и обнищании крестьянства. Резкое ухудшение материального и социального положения крестьянских масс порождало социальные противоречия и конфликты.

Стремясь снизить остроту кризисной ситуации, царизм был вынужден пойти на ряд паллиативных реформ. Цель их состояла в том, чтобы при сохранении дворянской монополии на землю и системы феодальной эксплуатации крестьян поднять доходность помещичьей и государственной деревни, а некоторой нивелировкой хозяйственного уровня крестьян приостановить процесс их имущественной дифференциации и социальной поляризации. Реформы начались с государственной деревни, но преследовали цель решения общекрестьянского вопроса. По расчетам правительства, реформа государственных имуществ, известная в истории как реформа П. Д. Киселева, должна была стать образцом общей перестройки отношений помещиков со своими крепостными.

В «западных» губерниях России, в том числе и в Белоруссии, реформа как по социально-экономическому содержанию, так и по результатам была более глубокой, чем в Центральной России. Это объяснялось историческими особенностями развития этого региона в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Так, в Белоруссии значительно раньше, чем в России, сложилась дворянская монополия на землю, а феодальная земельная собственность раньше утратила свой условный характер. Ряды привилегированного сословия были более многочисленными благодаря широкой прослойке мелкой шляхты, неизвестной в Российских землях и ставшей распадником оппозиционных по отношению к царизму настроений в массах. Наличие национально-освободительного движения и связанная с ним сложная внутривнутриполитическая обстановка в «западных» губерниях побуждали царское правительство искать пути укрепления своих позиций.

В начале XIX века существенно различалась и социально-экономическая структура государственной деревни Белоруссии и России. В России категория государственных крестьян была более многочисленной. Государственные имения в России управлялись казенными палатами, а в Белоруссии — опосредованно, через систему временного владения, основную роль в которой играла аренда. Более быстрые темпы развития капитализма в России вынудили царизм приспособлять феодальные отношения к новым экономическим условиям, что, в частности, выразилось в расширении гражданских прав государственных крестьян. В Белоруссии вплоть до начала XIX века правовое положение этой группы населения было идентично положению помещичьих крестьян. Главным экономическим различием двух регионов была разница в системах взимания феодальной ренты: в России государственные имения состояли на подушном оброке, в Белоруссии — на «хозяйственном положении», т. е. на барщине.

Произвол временных владельцев, отсутствие единых критериев определения отработочных повинностей, денежной и продуктовой рент обусловили прогрессирующий упадок хозяйств белорусских хозяйственных крестьян, усиление классовой борьбы. Последнее вызывало особое беспокойство царизма, опасавшегося слияния крестьянских волнений с польским национально-освободительным движением.

Реформа Киселева слагалась из трех частей: реформы системы управления, «попечительной» политики по отношению к государственным крестьянам и «люстрации государственных имуществ». И если в России последняя свелась, главным образом, к замене подушного исчисления оброка поземельным, то в Белоруссии она сопровождалась значительными переменами в области крестьянского землепользования и рентных отношений.

Реформа началась с перестройки аппарата управления государственной деревней. Функции ее высшего органа власти, с 1811 года сосредоточенные в Департаменте госимуществ Министерства финансов, с 1 января 1838 года были переданы новому Министерству государственных имуществ. Первым его министром был назначен П. Д. Киселев. Изменения в структуре местного управления сводились к следующему. Вместо

четырёхъярусной системы, характерной для центральной России (губерния — округ — волость — сельское управление), в западных губерниях вводилось три административных яруса (губерния — округ — сельское управление). Функции волостной администрации были распределены между экономическими управлениями временных владельцев и крестьянскими выборными. Высший ярус губернской администрации составили палаты государственных имуществ, находившиеся в ведении Министерства госимуществ и действовавшие под непосредственным наблюдением гражданских губернаторов. Сначала они состояли из трех отделений: хозяйственного, лесного и судного. С января 1845 года пополнились контрольным, а с июля 1850 года — люстрационным. Следующим ярусом было окружное управление. Округа создавались из сельских обществ, приписанных к ним незаселенных пустопорожных земель и лесных округов. За основу было взято поуездное деление, но при малочисленности государственных крестьян в уездах допускалось их объединение. Так, в Минской губернии из 10 уездов было создано 4 округа (Мозырский, Пинский, Вилейский, Бобруйский), в Витебской из 12 уездов — 3 округа (Городецкий, Полоцкий, Режицкий)¹. Окружное управление состояло из окружного начальника, его помощника по хозяйственной части и лесничего. Округа делились на сельские общества, из которых формировались имения. Сельские управления являлись низшим ярусом новой администрации. Их органами были сельский сход, сельское начальство и сельская расправа. Сельский сход собирался раз в три года и был правомочен производить выборы сельского начальства, давать крестьянам увольнительные для перехода в другие сословия, делить земли сельского общества, производить раскладку податей и сборов между крестьянами, отдавать в содержание мирские оброчные статьи. В перерывах между сходами обществом управляло сельское начальство, судебные функции над крестьянами осуществляла сельская расправа. Так, община, возрожденная в белорусских государственных имениях после воссоединения с Россией, в результате реформы Киселева была максимально приближена к общероссийскому образцу. С введением ответственного аппарата нового управления на плечи государственных крестьян был возложен тяжкий груз по его содержанию. Число должностных лиц резко возросло. Только из государственных крестьян Минской губернии с 1831 по 1837 год на различные должности выбиралось 243 человека, в 1842 уже 302, а к 1857 году — 840 человек². Хаос в делопроизводстве, волокита, должностные злоупотребления стали нормой функционирования нового аппарата.

Следующую часть киселевской программы составляла политика «попечительства» над государственными крестьянами, включавшая мероприятия по организации продовольственной помощи, начального обучения, улучшения системы медобслуживания, борьбы с пьянством. Вводились государственное страхование и сберегательные кассы. Финансировалось «попечительство» из сумм «крестьянских капиталов», образуемых за счет доходов от мирских оброчных статей и отчислений из сумм общественного сбора. Продовольственная политика предполагала разработку мер на случай периодически повторявшихся неурожаев и сопутствовавших им массовых эпидемий, падежа скота и высокой смертности крестьян. Но на деле эта политика свелась в основном к созданию запасных магазинов, которые, впрочем, в Белоруссии были известны еще с 1799 года. Новой реформой были созданы запасные хлебные магазины специально для крестьян «казенного ведомства». Хлебные запасы были представлены двумя видами: общими, которые предполагалось хранить в центральных запасных магазинах для использования при общих неурожаях, и частными, создаваемыми при сельских обществах для собственных нужд. Пополнение запасов осуществлялось как за счет части крестьянского хлеба, так и получаемого со специально отводимых общественных запасек. Однако хотя общественные запашки в белорусских губерниях выросли с 385 дес. в 1845 году до 21516,56 — в 1857³, они даже у привыкших к барщине белорусских крестьян были непопулярны и потому малополезны. Неудовлетворительным было и хранение запасов в магазинах. Получение же крестьянами ссуд и вовсе обставлялось массой бюрократических условностей и сопровождалось злоупотреблениями властей. Новому и многочисленному аппарату управления государственной деревней требовались грамотные работники. Эти потребности должны были удовлетворять приходские школы, в которых обучались крестьянские дети. Но ассигнования на обучение в них были совершенно ничтожны. Если в 1840 году они со-

ставляли на каждого учащегося 41 р. 27 к., то в 1854 году были сокращены до 10 р.⁴. Приходские школы не могли подготовить даже необходимое количество сельских писарей. Из-за нехватки средств многие школы закрывались, и в 1858 году в Минской губернии осталось всего 19 приходских школ⁵. Обучение в них отличалось низким качеством, главным предметом был закон божий. Безрезультатной оказалась и попытка Киселева организовать в государственных имениях училища для обучения различным ремеслам.

Не дали ощутимых результатов и меры по улучшению медицинского обслуживания в государственной деревне. Недостаток средств и медицинского персонала мешали осуществлению планов реформатора.

Таким образом, «попечительная политика» администрации Киселева наталкивалась на слабость материальной базы, а стремление улучшить крестьянский быт за счет самих крестьян не могло дать желаемого результата.

Третьей частью реформы Киселева была люстрация государственных имуществ, коренным образом отличавшаяся от люстраций, производившихся ранее. Чтобы поднять платежеспособность государственной деревни, она предполагала меры по устранению крестьянского малоземелья и строгую регламентацию крестьянских повинностей, что должно было привести к ликвидации экономических особенностей, присущих государственной деревне западных губерний, и приближению ее к общероссийскому уровню. Начало люстрации относится к концу 1839 года. До 1844 года она проходила при сохранении фольварочно-барщинной системы. В решении проблемы обеспечения государственных крестьян землей основная ставка делалась на перераспределение земельного фонда между государственными имениями с целью его выравнивания, пересортировки имений и переселения части крестьян в более обеспеченные земельными районами. В основу распределения земли между крестьянами был положен имущественный признак — тягlosigkeit (количество рабочего скота в хозяйстве), в соответствии с которым крестьяне были поделены на разряды: тяглых (имевших не менее двух голов рабочего скота), полутяглых (одна голова), огородных (имевших только дома с огородами) и бобыльных (бездомных и безлошадных). Весь наделный фонд имений делился на равное количество тяглых участков, которыми наделались или одно тяглое, или два полутяглых хозяйства без учета количества крестьянских душ. Огородникам и бобылям предоставлялось право переходить в городские сословия и лишь некоторым из них (при условии кругового поручительства общества в «благонадежности») выделялись земельные участки и ссуда на покупку скота.

Перемены в характере феодальных повинностей до 1844 года были незначительными и сводились к отмене натуральной ренты и детальной регламентации крестьянских повинностей с повсеместным введением урочной системы. С 1844 года люстрация изменила свой характер. Начался ускоренный перевод крестьян государственных имений на оброк. К концу 1857 года на оброк были переведены все имения Минской, Гродненской, Могилевской и Витебской губерний. Ликвидация фольварков позволила сделать прирезки к крестьянской наделной земле, отчего наделный крестьянский фонд Белоруссии увеличился на 10,73 %. Однако это мало что изменило в душевой обеспеченности государственных крестьян землей, ибо за годы реформы число ревизских душ выросло с 184491 до 255517, или на 38,5 %⁶. Размеры душевых наделов государственных крестьян остались практически на прежнем уровне, а в Минской губернии произошло даже их уменьшение на 0,01 дес. В остальных губерниях увеличение было очень значительным (от 0,1 дес. в Витебской губернии до 1,3 дес. в самой малоземельной Гродненской). Ни в одной из белорусских губерний не был достигнут даже пятидесятилетний средний душевой надел, служивший по дореформенным установкам минимальной нормой земельного обеспечения.

Перевод на оброк способствовал некоторому уменьшению повинностного гнета (в среднем на 20 %), но далеко не во всех имениях. Так, в Витебской губернии в третьей части имений перевод на оброк сопровождался усилением повинностного гнета, а в целом по губернии повинности сократились всего на 9,8 %⁷. При переводе на оброк и оценке крестьянских земель почти повсюду местные органы управления допускали злоупотребления.

Таким образом, попытка решить важнейшие социально-экономические

проблемы сверху в рамках феодальной российской системы, переживавшей глубокий кризис, при сохранении помещичьего землевладения и незыблемости фонда помещичьих земель с самого начала была обречена на неудачу. Тем не менее следует признать известное положительное значение реформы Киселева и ее влияние как на последующее развитие белорусской государственной деревни, так и на социально-экономическое развитие Белоруссии в целом. Наиболее важным итогом реформы, выявившим ее буржуазно-прогрессивный смысл, была ликвидация отработочной ренты в государственных имениях, что способствовало развитию крестьянской инициативы, товарно-денежных отношений, первоначальному накоплению капитала, росту численности городов.

¹ ЦГИА БССР. Ф. 27, оп. 1, д. 65, лл. 5—45; ф. 2514, оп. 1, д. 25, л. 65.

² Там же. Ф. 27, оп. 1, д. 80, лл. 67—68; д. 558, лл. 2 об, 4 об, 6 об, 8 об.

³ ЦГИА СССР в Ленинграде (в дальнейшем — ЦГИАЛ). Ф. 384, оп. 3, д. 1672, лл. 219 об — 222; оп. 6, д. 1265, лл. 45—47, 51—56, 95—105, 26—28.

⁴ ЦГИА БССР. Ф. 27, оп. 1, д. 78, лл. 8—10, 22—23 об; д. 427, лл. 6—9.

⁵ Там же. Ф. 27, оп. 1, д. 78, л. 23 об; д. 80, лл. 75 об — 76.

⁶ ЦГИАЛ. Ф. 384, оп. 6, д. 1265, лл. 27—28, 46—47, 55—65, 100—105.

⁷ ЦГИА БССР. Ф. 27, оп. 5, д. 22, лл. 13—17 об; ф. 2514, оп. 1, д. 184, лл. 183—391.

НГУЕН ВАН ТАН

СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1975—1985)

Одним из наиболее ярких проявлений принципов пролетарского интернационализма является сотрудничество СССР и Социалистической Республики Вьетнам в сфере экономики. Экономические связи между Советским Союзом и Вьетнамом постоянно расширяются и совершенствуются. Они эффективно способствуют решению сложных задач экономики СРВ.

Заключение вьетнамско-советского Договора о дружбе и сотрудничестве в ноябре 1978 года открыло новый этап в развитии экономических отношений двух братских стран. В ст. 2 договора подчеркивается, что СССР и СРВ «будут объединять усилия для укрепления и расширения взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества, неуклонного повышения материального и культурного уровня жизни народов обеих стран. Стороны будут продолжать долгосрочное координирование своих народнохозяйственных планов, согласовывать перспективные меры по развитию важнейших отраслей экономики, науки и техники, обмениваться знаниями и опытом, накопленными в социалистическом и коммунистическом строительстве»¹.

Сотрудничество с СССР всегда было и остается генеральным направлением политики партии и вьетнамского социалистического государства. С трибуны XXVI съезда КПСС Ле Зуан заявил: «Идти ленинским курсом, сплачиваться и осуществлять всестороннее сотрудничество с Советским Союзом — таков неизменный путь нашей партии и государства»².

Экономические отношения Вьетнама с Советским Союзом — это отношения нового типа между независимыми, суверенными и равноправными партнерами, имеющими общую цель, — построение социализма и коммунизма, однотипную общественную (политическую и экономическую) систему, связанными друг с другом незыблемыми принципами марксизма-ленинизма и пролетарского социалистического интернационализма, направленными на укрепление материальной основы социалистического содружества в целом и производственного потенциала каждой страны в отдельности, были и остаются в центре внимания ЦК КПСС и Советского правительства. Как отмечалось на ноябрьском (1982) Пленуме Центрального Комитета КПСС: «Все планы содружества социалистических государств — это планы мира и созидания. Мы стремимся к тому, чтобы товарищеское сотрудничество и социалистическая взаимопомощь братских стран становились глубже и эффективнее, в том числе и в совместном решении научно-технических, производственных, транспортных, энергетических и других задач»³.

Эти принципы определяют сущность экономических связей СССР с Вьетнамом и способствуют совершенствованию механизма сотрудничества. СРВ находится пока на первых ступенях развития социалистической эконо-